

ПОКОЛЕНИЕ

НАТАЛЬЯ РУБАНОВА:

Литература Великих Идей
навевает тоску

Прозаик Наталья РУБАНОВА родилась в 1974 году, окончила Рязанское музыкальное училище, затем МПГУ. Работала в музыкальной школе, в журнальных и книжных издательствах Москвы. Сейчас – постоянный автор журнала “Знамя”. В питерском издательстве “Лимбус Пресс” только что вышла ее книга “Коллекция нефункциональных мужчин”, в московском “Времени” сейчас готовится к выходу сборник “Люди сверху, люди снизу”. Повесть, давшая название последней книге, в прошлом году вошла в шорт-лист премии Бориса Соколова. В июне 2005-го по мотивам повести “Москва по понедельникам” в Великобритании был поставлен спектакль “Фиолетовые глаза”.

– Наташа, расскажите, как, когда и почему вы начали писать?

– Первая публикация состоялась в 2000 году: журнал “Меценат и мир” опубликовал мои стихи. Как и многие пишущие, я начала с рифмы, но потом бросила это дело: госпожа Проза для меня “всех румяней и белей”. Затем в том же журнале напечатали мои ранние рассказы, вошедшие в первую книгу “Москва по понедельникам”. Тираж ее до сих пор не распродан и не раздран до конца – издание осуществлялось на спонсорские деньги, и предполагалось, что заниматься реализацией будет “смиранный автор”. Но “продавать себя” оказалось “смирному автору” не просто сложно, но невозможно, поэтому я сие занятие после нескольких героических попыток бросила... А через несколько лет журнал “Знамя” напечатал “Людей сверху, людей снизу”. Жанр произведения определен мною самовольно – это роман, распадающийся на пазлы.

Что же касается вопроса о том, как и почему начала писать, то, наверное, этого формулировать вовсе не нужно. Начала – и все тут, потому что не писать не могла. Как-то я прочитала у Буковски: “Человек либо поэт, либо кусок резины”. Наверное, я не хотела быть куском резины... И вот в 18 лет ночью села да и написала свой первый рассказ “Фиолетовые глаза”.

– Кого из писателей вы считаете своими учителями?

– Если бы не было журнала

Н. Рубанова

“Юность”, в которой однажды опубликовали повесть Елены Сазанович “Прекрасная мельничиха”, если бы в семнадцать я не прочла набоковских “Лолиту” и “Машеньку”, а чуть позже – “Смутную улыбку” Саган, “Темные аллеи” Бунина, “Шепот шума” Валерии Нарбиковой, “Евгешу и Аннушку” Марины Палей, я бы, может быть, вообще не начала писать. Потому что Литература Великих Идей (определение В.Набокова) с ее хрестоматийными героями всегда навевала тоску. Поэтому, если уж о “гуру”, то все же г-н Набоков: едва ли кто-то превзошел его в отстраненном иронично-трагичном эстетстве текстового пространства.

Писать про “родился-женился-умер” я не хочу. Проза в сегодняшних “толстых” журналах – и не только – часто не интересна именно из-за ее многочисленных бытовизмов. Что за ними? Я всегда пытаюсь убежать от реалистического сюжета хоть сколь-нибудь, даже если начинаю “в реале”. Каждый мой теперешний текст – это полет Шагала: над городом, чтобы он тебя не сожрал, нужно в определенный момент взлететь – уж как сможешь. Если бы я могла, то писала бы музыку, а никакую не прозу: в ней нет привязки к сюжету. Больше всего в композиции меня привлекает именно отсутствие сюжета – ты не привязан к биографии героя, не утомляешь читателя и потоком сознания.

– Когда критики пишут о Рубановой, то в первую очередь говорят об ироничном стиле, великолепно придуманном языке и крайне неприглядных явлениях жизни, которые этот язык описывает со всей беспощадностью.

– Да, критики частенько говорят, что я хочу показать жизнь хуже, чем она есть на самом деле. Ну если видеть в жизни лишь “литературный

процесс”, то, конечно, “хуже”. Или если эту самую жизнь знать только по треугольнику “филфак-диссертация-редакция”. А что если выйти вон и открыть глаза? Или хотя бы проветрить помещение? Я не пишу чернуху, но и “литпроцессом” не дышу. И вообще для меня гораздо важнее не то, о чем написано, но то, как это написано. Слова – это прежде всего игра, шахматная партия: или ты – белых, или твоих – черных. Игра эта жестока и великолепна, как сама жизнь: ты то ферзь, то ничтожная пешка собственных буквочувств.

Должна сказать, что многие – в том числе и широко известные авторы – не поняли “Людей сверху, людей снизу”, оттого что хотели оставить лишь голый сюжет, кастрировав самое ценное – “шизу”, вставки, голоса, как будто бы не имеющие значения, но на самом деле являющиеся главным. То же самое могу сказать о своем воле, как я его назвала, неромане влоборота. Думаю, многие узнают себя в главном герое – художнике, каждый день прогоняющем себя на барщину, где приходится верстать с утра до ночи. Увы, офисное рабство, о котором я пишу, у нас прогрессирует, и кодекс так называемой корпоративной культуры делает из человека марионетку едва ли не большую, чем которой он был в совках. Как говорит мой главный герой, “самое мрачное на свете дао – дао офисной крысы”...

– Для вас сюжетами, как правило, становятся люди, судьбы, отношения. Не есть ли это признак причастности к пресловутой женской прозе?

– Женская проза – а в просторечии, как известно, просто ЖП, – штука разноликая. В литературе имеют женщины и женщины, дамы и дамки, леди и откровенные бабье. А интересно, кто и что, если не “люди-судьбы-отношения”, становятся признаком причастности к так называемой “мужской прозе”? Для меня существует только один вариант ответа: нет прозы М, нет прозы Ж – есть хорошая или плохая. Это как с осетриной “второй свежести”: свежесть только одна, первая! Интересно другое: почему наши критики – коли уж разделили прозу на М и Ж – стыдливо молчат, например, о прозе “третьего пола”? Тоже ведь сегмент рынка! Или растолковывать о плюсах и минусах текстов “рупорам нашей литературы” дозволено лишь в рамках приличия Викторианской эпохи? Но если бы наши родители придерживались “приличий”, нас бы не было.

Беседу вел
Анна МАРТОВИЦКАЯ